

Культурные основы этнических конфликтов

Сегодня на территории бывшего СССР реальные и потенциальные этнические конфликты угрожают существованию народов, порождают опасные разрушительные процессы. Распад сложившихся в советский период существования страны интеграторов выдвинул на первый план древние этнические связи. Исследования показывают, что «большинство социальных субъектов утратили свою идентификацию с прежними структурами, кроме этнических, которые и приобрели гипертрофированное влияние в обществе»¹. Общество сталкивается с попытками «справедливо» поделить территорию, различные ресурсы, соответственно перестроить систему управления. Возникающие по разным поводам конфликты устойчиво приобретают форму этнических противостояний, во всяком случае налицо стремление самих участников событий рассматривать их как этнические. Даже противостояние так называемой «непримиримой оппозиции» с российской властью изображается ею как борьба с «оккупационным режимом», т. е., по сути, с замаскированной властью иноземцев.

Примеры аналогичной трактовки событий не новы в истории России. Нередко борьба с властью подавалась у нас как борьба с засильем той или иной этнической группы. Например, декабристы в своей агитации, прежде всего среди солдат, использовали тезис о засилье немцев у власти (хотя среди самих декабристов было немало немцев). Здесь мы сталкиваемся с облечением политических антипатий в этническую форму. В этой связи в качестве этнических допустимо рассматривать и конфликты, причисляемые к таковым хотя бы одной из участвующих сторон.

Вместе с тем анализ показывает, что и чисто этнические на первый взгляд конфликты далеко не всегда сводимы к реальному столкновению этносов. Так, наблюдатели с удивлением отмечали, что разделение людей в грузино-абхазских событиях или в Приднестровье не всегда происходило по чисто этническому принципу. На обеих сторонах сражались люди разных этнических групп. Аналогично и в израильско-арабском конфликте на стороне первых боролись добровольцы-арабы, граждане Израиля, а в составе палестинской делегации на мирных переговорах были евреи. Эти факты свидетельствуют, что реальные конфликты не редуцируются к конфликту этносов, хотя, возможно, воспринимаются самими их участниками как этнические. Следовательно, требуют объяснения вопросы: почему подобные конфликты воспринимаются именно как этнические, почему конфликты по поводу ресурсов или чего угодно в глазах их участников приобретают этническую окраску и для их описания используется этническая лексика (а не язык, например, пролетарского интернационализма или описания нравствен-

1 Л а п ш и н Н. И. Тяжкие годы России. «Мир России». 1992, № 1, с. 28.

А х и е з е р А. С. — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, член Международного академического центра социальных наук (Интерцентра) Специалист в области философских проблем изучения общественных процессов.

ных, экологических ситуаций)? Для решения этой проблемы представляется важным прежде всего рассмотреть само понятие «этнос».

От этноса к нации

Человеческая история включает в качестве важнейшего своего аспекта развитие от этноса к нации. Специфика этноса (как и племени) заключается в том, что входящие в него люди рассматривают свои отношения как естественные. Человечество постепенно преодолевает ограниченность этносов и формирует нации. Последние есть результат новой культуры, преодолевающей представления о естественности, биологичности объединения людей в общности и стимулирующей представления об определяющем значении личности, права, правового государства, о гражданском обществе, которые только и могут обеспечить права личности. Исторически сложившиеся нации могут формироваться на основе преобладания той или иной этнической группы, но тем не менее они осознаются как социокультурные образования государственного типа, как имеющие общность исторической судьбы. Развитие нации означает, что этнические ценности теряют непосредственно определяющий характер для государственной жизни. В России, однако, подобное понимание нации не имеет массового распространения. То, что в нашей стране называют нацией, фактически воспроизводит этническую специфику. У нас в расхожем понимании нация — это этнос, суперэтнос, сообщество, складывающееся на основе этнических, племенных ценностей, носящих естественный, биологический характер.

В начале человеческой истории люди были объединены в локальные сообщества разных типов: род, племя, патриархальная семья, этнос. Все они представляли собой некоторое единство определенных человеческих отношений и культуры. Характерно, что в основе первичных социокультурных сообществ (а это известно из многочисленных исследований) лежали не столько сотрудничество, сколько крайние формы конфронтации. Исходной точкой отношений между человеческими сообществами были отношения геноцида². Человек ничего не знал о существовании человечества: «они» отождествлялись с враждебной средой, «мы» — с членами своей общности. Начало истории, таким образом, содержало минимальные возможности для диалога. Реальная история не соответствовала представлениям Ж.-Ж. Руссо о бесконфликтности отношений людей на этапе дикости.

Историю можно мыслить как постоянное движение в рамках оппозиции «догосударственный этнос — нация в гражданском обществе». Однако государства возникают на этнической культурной основе. Они объединяют разные племена, этносы, что создает основу для формирования империй, где государство пытается ликвидировать межэтнические конфликты, не обеспечивая при этом равноправие этносам. Трагедия такого государства состоит в том, что в нем гипертрофия административных методов интеграции существует при недостаточности культурной интеграции, интеграции на основе общих ценностей. Поэтому империи в конечном итоге проигрывают в борьбе с этносами, способными обеспечить мощную культурную интеграцию. Попытка разрешить это противоречие путем создания моноэтнических государств оказывается невозможной, так как исторически этносы имеют расплывчатый характер, а во многих случаях более важное значение приобретает интеграция на основе общности религиозных, региональных и прочих факторов. Существенно, что этнос жестко не отождествляется с территорией, так как в ходе исторического развития этносы перемещаются и территории их смешиваются, накладываются друг на друга.

Важно также помнить, что формирование наций крайне противоречиво, шаг вперед может прерваться разрушительным конфликтом. Сам факт возникновения государства как социального института на этнической, племенной основе несет

² См. Назаретян А. П. Интеллект во Вселенной. М., 1991, с. 112—113.

опасность всплеск межэтнических конфликтов как внутри государств, так и между ними.

Конечно, в национальной общности оппозиция «свой—чужой» теряет основополагающее значение не только для государства, но и для культуры общества. Французом или американцем может быть человек, принадлежащий к любой этнической группе, но осознающий себя членом соответствующей общности, объединенной государством, разделяющий соответствующие ценности, знающий свои права и выполняющий налагаемые на него обязанности. Для культуры развитых западных обществ такие представления тривиальны и глубоко укоренены. А. Гусейнов писал в этой связи: «На Западе всех советских людей называют русскими. Когда мне случалось уточнить, что я — лезгин, то собеседники, как правило, не очень-то понимали, что я хочу сказать — и не потому, что не знали раньше о существовании лезгин: им трудно было понять, почему нельзя быть лезгином и русским одновременно. Для западного человека принадлежность к нации и этническая принадлежность — разные вещи. Для нас же это — одно и то же»³.

Различие этих представлений отражает специфику несходных исторических эпох. В гражданском обществе, в правовом государстве на первый план выступают ценность личности, ее права и способности реализовать свои таланты, возможность выбора своей национальной идентификации. В этом обществе значение этнического происхождения как фактор престижа снижается и растет фактор личной творческой активности — от успехов в бизнесе до способности делать политическую карьеру и т. д. Этническая принадлежность становится частным делом гражданина. Развитие такого рода ценностей возможно лишь в определенном типе общества — в обществе, уходящем от традиционализма и утверждающем господство основополагающих либеральных ценностей. Но, как ни парадоксально, как раз это и открывает в рамках правового государства широкую возможность объединений людей по этническому принципу, создания соответствующих институтов, систем образования, национальных изданий и т. д., направленных на развитие соответствующей специфической культуры в условиях плюрализма, т. е. позволяет реально воплощать принцип культурно-национальной автономии. Различия между господствующим и подчиненным этносами теряет свою основу.

Образование наций возможно лишь на некоторой стадии развития общества, при определенном уровне развития городов, урбанизированной культуры, с развитием не только рынка, но и абстрактного мышления, способности осмыслить ценность абстрактного права, закона, денег, значения автономной личности, ее самоценности. В конкретной же ситуации культура каждого этноса всегда несет в себе некоторую меру соотношения между полюсами оппозиции «этнические ценности—национальные ценности». И чем длиннее исторический путь, по которому прошло общество, тем дальше может быть смещена мера при формировании институтов государства к полюсу гражданского общества.

Положение осложняется тем, что смещение этой меры — противоречивый процесс. Он может порождать кризисные ситуации, которые «в обществе характеризуются прежде всего размытостью интересов; их неопределенностью, с одной стороны, а с другой — весьма сложным характером их осмысления и осознания»⁴. Все непосредственные причины и поводы этнических конфликтов всегда облекаются в формы культуры соответствующих субъектов, в формы сложившихся представлений об условиях, средствах, целях, независимо от природы, содержания, причин конфликтов. Следовательно, стремление окрашивать конфликты

³ Гусейнов А. А. Национальная фаза государственной истории. «Полис», 1990, №№ 5—6, с. 16—17. См. также Волкан В., Облонский А. Национальные проблемы глазами психоаналитика с политологическим комментарием. «Общественные науки и современность», 1992, № 6, с. 33.

⁴ Здравомыслов А. Г. Проблема власти в современной социологии. Доклад на конференции «Многообразие интересов и институты власти». М., 1993, с. 5.

в этнические культурные цвета — свидетельство мощного массового влияния архаичных пластов культуры.

Прошлое и настоящее в этнических конфликтах

Поведение людей в конфликте опирается на накопленное с незапамятных времен культурное богатство, на имеющийся опыт разрешения конфликтов. История этнических конфликтов столь длительна, что современные представления, основанные на методах разрешения конфликтов в рамках либеральной цивилизации, связаны лишь с кратким мигмом человеческой истории. Соответственно, значение этих представлений в реальном конфликте может оказаться столь же ничтожным.

Современный человек, с одной стороны, находится под мощным воздействием усложнения всех типов связей, взаимопроникновения различных культур. Но с другой — он не преодолел архаичные формы освоения мира, центром которых является конфликт между локальной племенной группой и всеми остальными. Соответствующий пласт культуры не исчез, он оказался лишь оттесненным на задний План. Этот архаичный пласт часто скрыт под поверхностными наслоениями христианства в форме тотемистических, локалистских воззрений, манихейской веры в абсолютный конфликт, возникающий из веры архаичного этноса в себя как носителя высших позитивных ценностей и оценки других групп как носителей зла.

Длительные, по видимости нормальные отношения между этническими группами мгновенно разрушаются в моменты кризисов любого типа, так как может оказаться, что в соответствующей культуре разрешение конфликта видится именно на пути избиения, изгнания иной этнической группы. Происходит, казалось бы, невероятный возврат к оттесненным, исчезнувшим программам архаичных пластов культуры. Выявляется, что этносы, мирно жившие рядом, создают наделенные нечеловеческими пороками образы соседей. Восстанавливается архаичное представление о том, что «они» — нелюди, а значит, диалог, коммуникация с ними невозможны. Именно в древних пластах культуры, думается, лежат истоки попыток интерпретировать любые конфликты, включая мнимые, на этническом языке.

Существование этих пластов культуры выявляется социологическими исследованиями. Например, еще до распада СССР Институт социологических исследований АН СССР опросил 12 тыс. человек в ряде республик и областей. Выявилось, что имеет место «значительная распространенность отрицательных высказываний о людях других национальностей, их обычаях и традициях. Они имели место в Туркмении у 54% опрошенных, в Киргизии — у 56, в Грузии — у 55, в Литве — у 64 процентов»⁵. Культурные пласты, которые обуславливают подобную реакцию на мир, сложились в глубокой древности, когда конфликты соответствовали локальному и статичному характеру человеческих сообществ. Но такие архаичные представления могут привести к разрушительным последствиям в масштабах современных государств, большого общества. Они представляют собой мощный фактор архаизации общества, несут в себе попытки вернуться к представлениям, разрушительным для современного сложного и динамичного мира.

Опасность архаичных представлений о вине некоторой этнической группы во всех бедах носит многоплановый характер. Это прежде всего превращение любого негативного факта в обоснование конфликта с этносом, с группой, отождествляемой со злом. Так, газета «Правда» объяснила взволновавшее общественность убийство монахов и священника в пасхальные дни 1993 года в соответствии со старой манихейской традицией как ритуальное убийство христиан евреями⁶. Но подобное мышление означает, что к этнической группе, расцениваемой как носитель зла, могут быть отнесены все негативно оцениваемые группы и люди,

⁵ И в а н о в В. В зеркале социологии. «Советская культура», 19 сентября 1989.

⁶ См. Г е р а с и м о в Д. Сатанинское племя. «Правда», 5 мая 1993.

например демократы, либералы, правящие группы, иностранцы и т. д. В этой связи характерен антисемитизм, под флагом которого ведется борьба с самыми различными группами, начиная от интеллигенции и кончая властью.

Это несоответствие старых культурных форм и новых явлений распространено в обществе. Например, государство может возникнуть на догосударственном культурном основании (на основе древних локальных образований — семьи, общины и т. д.), которое экстраполируется на новые системы отношений⁷. Возникающая отсюда неадекватность должна привлечь самое пристальное внимание исследователей именно сейчас, когда на территории бывшего СССР возникли новые государства. Природа этого процесса показана еще К. Кавелиным: «В основе всех частных и общественных отношений лежит один прототип, из которого все выводится,— именно двор или дом, с родоначальником во главе, с подчиненными его полной власти чадами и домочадцами»⁸.

История человечества, которая включает определенную тенденцию гуманизации⁹, постепенно отходила от экстраполяции архаичных представлений на современные проблемы и институты, формируя новые пласты культуры. Однако процесс гуманизации шел не плавно: он прерывался попытками людей ответить на кризисы, на вызов истории возвратом к архаичным истокам. Это происходит в разных формах, вплоть до людоедства (в прямом и переносном смысле), которое вдруг охватывает целые страны, неожиданно отвергающие достижения собственной культуры и мучительно пытающиеся вернуться к своей первобытности.

Человечество несет в себе инерцию собственной истории как оппозицию реальных и потенциальных инноваций силам древнего антигуманизма. Архаизация и децивилизация, имеющие масштабный характер, способны привести к тому, что в основу общества могут быть положены племенная идеология в формах расизма, идеи локальной исключительности, что практически ведет к «этническим чисткам». Подобный прорыв к архаике может пройти лишь часть пути и не дойти до своих истоков. Но это может иметь катастрофические разрушительные последствия и для народа, подавшего подобным настроениям, и для его окружения.

Единство человечества постоянно позволяет каждой культуре обращаться при поиске меры решения своих проблем к мировому опыту, к мировой культуре. Это обращение становится все более неизбежным из-за необходимости преодоления все более усложняющихся смысловых различий между полюсами дуальной оппозиции — основы разрешения национальных конфликтов. Один полюс данной оппозиции — унаследованные от прошлого стереотипы культуры; другой — идеал гражданского общества. Акцент на первый полюс может способствовать формированию государства на племенной этнической основе, что в современном мире представляется утопией, возможно, кровавой и разрушительной. Стремление ко второму полюсу стимулирует формирование правового государства. Сегодня именно такая дуальная оппозиция и представляет собой, по-моему, методологическую основу, через которую должны рассматриваться и разрешаться конфликты между народами. Этнические конфликты могут опираться на разные версии, разное понимание того, где собственно должна быть реализована мера между указанными полюсами.

Специфика современных этнических конфликтов

На территории бывшего СССР конфликты разных типов происходят на волне роста стремлений к консолидации, к объединению на этнической основе. Разные народы прошли различные пути и, следовательно, были готовы к различным решениям вопроса о мере преодоления социально и культурно значимых дуаль-

⁷ См. А х и е з е р А. С. Россия как большое общество. «Вопросы философии», 1993, № 1.

⁸ К а в е л и н К. Д. Мысли и заметки о русской истории. «Вестник Европы». СПб., 1866. июнь, с. 349—350.

⁹ См. А х и е з е р А. С., М а т в е е в а С. Я. Гуманизм как элемент культуры. «Общественные науки», 1990, № 2.

ных оппозиций «племенное общество—гражданское общество». Решения принимались в логическом пространстве от попыток построить государство на основе племенных, клановых ценностей до утверждения последовательно правовых принципов. В большинстве случаев эти процессы протекали в добуржуазных условиях, иногда и в архаичных, дорыночных. Между тем, как показывает опыт истории прежде всего западных обществ, национальные государства сложились в процессе формирования буржуазных наций. Это не случайное совпадение.

Инерция истории (т. е. стремление отвечать на возникающие проблемы исторически сложившимися стереотипами) свидетельствует о мощном влиянии древних пластов культуры как основы для возможной программы поведения. Они используются в критической ситуации при массовом разочаровании в программах более позднего происхождения. Инерция истории обычно преодолевается медленно и с большим массовым напряжением. В России положение ухудшилось далеко зашедшим расколом. Он крайне затруднял процесс формирования той самой взаимоприемлемой «меры» между полюсами оппозиции. Раскол атомизировал общество, создал крайне запутанную ситуацию, связанную с эклектиским перемешиванием моделей, отношений и норм, характерных для разных исторических эпох. С. Матвеева отмечает: «У нас идет процесс становления национального государства, аналогий чему можно найти более чем достаточно в европейской истории, если изучать периоды становления буржуазных наций. Однако в России этот процесс идет в гораздо более сложных условиях, в некотором смысле слишком «рано», так как у нас нет еще условий для формирования буржуазных наций. Но одновременно и слишком поздно, так как политическое развитие создало острую потребность в правовом государстве. Оно формируется по принципу единства, общности исторической судьбы. В развитых странах каждая нация приобретает свою культурно-национальную автономию, общность же народа в целом складывается на основе приоритета прав личности, независимо от ее этнического происхождения. У нас сплелись воедино две исторические эпохи, и, очевидно, это несет в себе большую опасность конфликтов. Становление национального государства, но на добуржуазной основе чревато тем, что в основу этого процесса могут быть фактически положены ценности племенной культуры, для которой характерны ограниченные представления о мире, стремление к замкнутости, вероятности этнических конфликтов, в известном смысле даже стремление к этим конфликтам как к фактору племенной консолидации»¹⁰. Создались запутанные, сложные для осмысления формы решения национальных проблем. В стране сложилось жесткое противопоставление плюсов рассматриваемой оппозиции, что делает опасным столкновение между ними.

Россия до 1917 года пыталась сохранить единую культурную основу государственности, склоняясь к отождествлению русского и православного. Православие было государственной религией и существовало определенное (то усиливающееся, то ослабляющееся) давление на иные религиозные и этнические группы. Одним из результатов такой ситуации стало стремление различных этнических и религиозных групп к эмиграции¹¹. Наряду с этой господствующей тенденцией существовала и противоположная, снижающая значимость этнических различий, что создало основу для перехода к господству интернационализма после краха государственности в 1917 году.

Установление советской власти было одновременно попыткой прямо противоположного решения национальной проблемы, т. е. подменой национальной идеи интернациональной, идеей государства победившего пролетариата, где принадлежность к тому или иному этносу, национальность (этничность) рассматривались как анахронизм. Но реализация этой идеи столкнулась с низким уровнем развития личностного самосознания, которое не создавало основы для граждан-

¹⁰ А х и е з е р А. С., В о р о н и н О. Л., М а т в е е в а С. Я. Россия как поле социальных исследований. «Дружба народов», 1993, № 11, с. 57.

¹¹ Подробнее см. А х и е з е р А. С. Эмиграция из России: культурно-исторический аспект. «Свободная мысль», 1993, № 7.

ского общества и правового государства, но тяготело к господству архаичных форм коллективизма. Поэтому воскресла старая мысль о формировании на территории бывшей Российской империи государств по этническому принципу (то же, кстати, пытались делать и творцы версальского мирного договора после первой мировой войны). Однако эти государства не строили своих отношений на основе плюрализма и диалога, что толкало к их объединению на идеологической основе, отрицающей национальную идею.

Решение о создании Союза ССР было расколотым решением, где два принципа (этнический и интернациональный) манипуляторским образом комбинировали элементы и того, и другого, отрицая и разрушая друг друга. Такое взаимное разрушение дошло до возврата к первобытному геноциду, которому подверглись целые народы в СССР, к разрушению этнических культур, этносов. В качестве определенного итога этой попытки можно указать, в частности, на то обстоятельство, что сегодня из 130 языков, распространенных на территории России, только для четырех (русского, татарского, башкирского, якутского) доступно школьное образование с первого по одиннадцатый класс. В 1992 году 94% аборигенов народов Севера не знали своего родного языка¹².

Фактически, возобладала архаичная политика этнической государственности. Это не только несло в себе потенциал внутренних конфликтов, но и вело к общей нравственной деградации. Советское государство, его основополагающие идеи оказались в конечном итоге утопичными. Множество национальных государств не могло жить и развиваться на основе единого и единственного абстрактного принципа. Реальной альтернативой выступил другой вариант — распад на национальные унитарные государства, каждое из которых ищет свой специфический путь. Попытка сочетать этнические государства и унитарность привели к распаду советского унитарного государства в 1991 году. Это открыло перед активными этническими группами возможности поиска путей формирования государственности на основе собственного культурного опыта. Такой подход был несовместим с унитаризмом, но в то же время не ограничивал возможности формирования государств на архаичной основе.

Следует отметить, что инерция истории, приводящая к архаизации конфликтов, может охватить и важнейшие сферы процесса (пере)осмысления, принятия решений, например осмысление механизмов краха советской утопии, практики функционирования унитарного государства. Это осмысление сканировало в логическом поле дуальной оппозиции «во всем виновата политика русификации — во всем виновата национальная власть на местах». Содержание первого полюса дает основу для представления, что любой этнический конфликт «организован», «спровоцирован» в Москве. Как и всякий манихейский тезис, он не требует доказательств и рассматривается как очевидный, естественный.

При анализе подобной точки зрения не следует игнорировать, что попытки создать культурную основу многоэтнической государственности с использованием потенциала русской культуры в ее усеченной, препарированной форме несли ущерб ей самой. За годы советской власти важнейшие проявления русской культуры, особенно ее элитарного уровня, были разрушены, и общий ущерб, нанесенный ей в этот период, вряд ли меньше (а возможно, и больше), чем ущерб, понесенный любым другим народом. Последние могли по крайней мере теоретически черпать силы в борьбе за утверждение собственной культуры, тогда как русская культура оказалась расколотой, и в ней шли неоднозначные, противоречивые процессы. Попытки представить Россию, Москву как некий воплощенный символ зла, где якобы день и ночь разрабатываются планы провокаций, организации раздоров и подавлений других народов, и ныне предпринимаются некоторыми лидерами национальных движений. По сути, это обычная практика персонификации зла манихейского типа. В основе подобного объяснительного принципа современных этнических конфликтов лежит архаичный уровень куль-

¹² И г н а т о в В. Без языка. Из 130 языков российских аборигенов в живых осталось только четыре. «Сегодня», 7 октября 1993.

туры, интерпретирующий зло в мире как результат козней. Кто именно будет «разоблачен» как злодей, зависит от случайных обстоятельств. Такой подход не в состоянии стимулировать людей на поиск причин конфликтов в самих себе, в собственных племенных ценностях, перенесенных в современный мир из глубины веков.

Это не означает, что национальная политика России всегда была безупречной и политическое руководство не несет на себе определенной вины за многие события прошлого и настоящего, что ее руководство не проводило в жизнь имперский принцип «разделяй и властвуй». Тем не менее оценка каждого конкретного случая требует процедуры доказательств, всестороннего исследования. Для манихейских же мифов факты не имеют значения, к ним, как и к реальному доказательству, просто отсутствует интерес, так как все уже «известно» до самого инцидента.

Другим полюсом анализируемой оппозиции, как уже было сказано, являются попытки свалить ответственность за все этнические конфликты на местные элиты. Критический подход к данному тезису подразумевает не отрицание этой ответственности, а превращение ее из априорной догмы в предмет анализа, диалога. Местные правящие элиты не создают конфликты на пустом месте, но действуют в определенной культурной ситуации, формирующей эти элиты, их ментальность. Нельзя, однако, игнорировать, что правящие элиты в силу своего положения могут использовать этнические ценности как чисто утилитарное средство в борьбе со своими противниками. Они могут стать на путь циничного манипулирования элементами массового сознания, что следует оценивать с нравственной точки зрения.

Опыт истории показывает, что выход из этнических конфликтов лишь один — совместное создание мира, где ценность сохранности границ, воспринимаемых как племенные, снижалась бы по сравнению с повышающейся ценностью жизни человека. Гражданское общество, правовое государство включают возможность для любой личности менять страну работы и проживания. При этом должны быть обеспечены права личности, преодолена дискриминация различных групп, что в конечном итоге должно снижать стимул к развязыванию территориальных конфликтов.

Существование раскола открывает возможность многократного дробления, распада общества, самих этнических групп по бесконечно тонким основаниям, которые изощренный ум мог бы вновь и вновь обнаруживать. Это четко видно на примере многовековой религиозной борьбы, где тончайшие расхождения выливаются в смену оснований для конфликтов, расколов. Любое различие (даже незаметное и мнимое) может превратиться в основание для разжигания вражды и насилия. Например, современные манихеи делают попытки раздуть религиозную вражду, а, по сути, межэтнический конфликт между «монофизитской Арменией» и «православными русскими»¹³. Опасны не сами различия, а рассмотрение их на основании культуры, не знающей ценности плюрализма, культуры, не несущей в себе средств сочетаний роста разнообразия с его гармоничной интеграцией.

Страсть фанатика всегда найдет различия, ведущие к кровавым конфликтам. Создавать «образ врага» — дело весьма опасное, ибо когда «враг» исчезнет, его по инерции будут искать среди своих. Отделение барьерами одной нации от другой неизбежно повышает возможность распрей внутри этнической группы, между «коренными» и «приезжими», между «северными» и «южными» жителями и т. п. Единство этноса часто оказывается мифом, разрушающимся под влиянием религиозных различий внутри него, о чем свидетельствует кровопролитие на территории бывшей Югославии.

Избежать эскалации ненависти можно, лишь начав поиск причин дискомфорта в себе, в слабости самокритики собственного исторического опыта, в своей неспособности разрешать конфликты через попытки найти общую почву для

¹³ См. Володин Э. Вызов бездны. «Советская Россия», 22 сентября 1992.

речей и действий, для совместной жизни, для понимания своих противников как людей, которые, возможно, и не всегда правы, но которым надо помочь стать правыми, пройдя путь собственного нравственного опыта, его постоянной критики. Проблема вовсе не в том, что сами по себе конфликты должны быть изжиты. Прошлое оставило нам сложное и запутанное наследство. Проблема заключается в том, чтобы научиться жить в некомфортном мире нерешенных проблем, одновременно напряженно разыскивая их приемлемое не только для себя решение. Сама по себе уверенность в собственной правоте, в непогрешимости собственной «совести» толкает на разрушение мира, как бы дает индульгенцию на любые действия против тех, кто объявлен носителем «зла», «виновником» в наших неурядицах.

Выход, как мне кажется, лежит на пути расширения представления о «мы», в ходе которого в него будут включаться новые этносы, а в конечном итоге — все человечество. Используя исторический опыт сосуществования этнических групп, необходимо начать формировать механизм отхода от господства взаимного геноцида. При этом большую роль должны играть конкретное знание, конкретный опыт людей.

В глобальном масштабе эта проблема решается всеобщим движением к ценностям плюрализма, либеральной цивилизации, где ценность личности выходит на первый план, а этническая самобытность перестает быть непосредственным основанием государства. Однако этот путь долог, тогда как проблемы возникают каждый день. Поэтому они должны решаться повседневно на основе исторически сложившегося содержания культуры, т. е., возможно, на основе половинчатых, ограниченных решений.

Этнические конфликты в настоящем и будущем

Обострение межэтнических отношений на современном этапе можно расценивать как реакцию на господство в советский период абстрактного интернационализма, связанного с нивелировкой специфики культуры, образа жизни и т. д. Со всей полнотой выявляется инверсионный характер этой реакции как очередной попытки исправить одну дискомфортную крайность посредством другой, т. е. использовать в критической ситуации архаичный механизм инверсии. Такой поворот в его крайних формах тяготеет к безнадежной идее создания государственности на этнической основе. Это базирующееся на теоретических соображениях прогнозное предположение находит свое подтверждение в усиливающихся попытках многих народов на территории бывшего СССР осваивать свои отношения с другими народами в представлениях племенного типа.

Указанный поворот осложняется инверсией к либерализму, попыткой перейти к либеральной цивилизации с выдвиганием на первый план ценностей гражданского общества и правового государства. Очевидно, что обе названные тенденции расколотого общества исключают и разрушают друг друга. Победа либерализма на современном этапе (как, впрочем, и в 1917 году) осложнена движением к локализму, т. е. распадом общества на локальные образования, ослаблением административных типов социальных интеграторов при отсутствии компенсирующего роста культурной интеграции частей вокруг общих ценностей.

Процессы локализма никак не могут быть объяснены межэтническими конфликтами. Печать наполнена разнообразной информацией о стремлении так называемых «субъектов федерации» усилить свое противостояние Центру, в частности уменьшить свои экономические обязательства перед центральной властью. Сам по себе этот процесс объясняется внутренними особенностями России, которые здесь не могут рассматриваться¹⁴. Рост локализма, приведший к распаду СССР, продолжается, что, в свою очередь, создает предпосылки для превращения ранее латентных конфликтов в открытые. Однако существуют и противополож-

¹⁴ См. А х и з е р А. С. Россия: критика исторического опыта. Т. I—III. М., 1991.

ные тенденции. Распад тормозится осознанием сложности и взаимозависимости государств, регионов, что при отсутствии рынка является фактором, действующим в пользу административного центра.

Этапы социокультурной динамики российского общества существенно различаются по условиям для развития этнических конфликтов и по средствам для их разрешения. Эти условия колебались между двумя полюсами: «распад, отделение народов от России, как это имело место после падения монархии,— тоталитарное государство сталинского типа с системой всеобщего подавления».

Современный период истории страны начался в конце 1991 года. Он принципиально отличен как от периода, закончившегося в 1917 году, так и от советского периода. Установившаяся власть по своим целям и ценностям, по языку, на котором она обращается к народу и формулирует официальные документы, носит либеральный характер. Поражение мятежа в октябре 1993 года, который при всей разнородности своего социокультурного состава можно рассматривать как попытку вечевых архаичных сил, не знающих разделения властей, уничтожить либеральную власть, подтверждает эту точку зрения. Впервые в истории России вооруженное столкновение этих сил с либеральной властью окончилось победой последней. Из сказанного следует, что в нашем обществе можно осуществлять политику, аналогичную той, которую проводят власти в странах победившего либерализма. В расколотом обществе необходима политика, ставящая своей целью ослабление раскола. Это требует отхода от инверсии при формировании значимых решений, от решений типа «шоковой терапии», отказа от насилия при разрешении конфликтов (за исключением конфликтов с криминальными элементами). Необходима политика, соответствующая промежуточному, переходному характеру российского общества.

Существуют значимые факторы, которые позволяют предполагать более высокую вероятность развития по либеральному пути, чем это имело место в России после падения монархии. В пользу этого варианта говорит значительное снижение по сравнению с прошлым массовой ненависти, что ослабляет потенциал вооруженных столкновений между группами, отождествляющими себя с той или иной территорией. В прошлом ожесточенная гражданская война способствовала установлению авторитаризма в масштабе всей страны. Сегодня против повторения этого варианта действует, во-первых, преемственность новых российских элит по отношению к старым, особенно в провинции. Традиционная советская социальная иерархия здесь практически не разрушена, сколь-либо мощные элиты не сформировались и не стали поэтому дестабилизирующим фактором. Во-вторых, нет былых толп деревенской молодежи, представляющих идеальное по управляемости пушечное мясо для любой войны (включая гражданскую). Кроме того, превалирование характерных для городского населения (и особенно для его среднего класса) малодетных семей ознаменовало целую революцию в осознании ценности человеческой жизни¹⁵.

Кровопролитие, имевшее место в Москве в октябре 1993 года, не нашло поддержки и подражания ни в одной точке страны, что также свидетельствует об отсутствии достаточно массового стремления решать проблемы насилием. Можно констатировать относительно низкий потенциал стремления к массовому насилию среди русского населения, что контрастирует с периодом после краха монархии. Однако не исчезла и противоположная возможность утраты господства либеральных ценностей, а это резко снизило бы вероятность предотвращения и разрешения межэтнических конфликтов.

Судьба либерализма сегодня тесно связана с возможностью установления авторитарного порядка как в стране в целом, так и в регионах. Против авторитаризма существует ряд факторов. Это прежде всего потенциал либерализма, ориентированного на демократию, а также потенциал локализма, нацеленного на смещение центров власти вниз. Тем не менее возможность авторитаризма может

¹⁵ См. Ф а д и н А. Власть через кровь: путь вверх. «Знамя», 1993, № 2, с. 185.

повышаться в результате роста дезорганизации, неспособности либеральной власти вывести страну из жесточайшего кризиса.

Однако авторитаризм — далеко не однозначное явление. Он может быть и либеральным, т. е. использовать авторитарные институты и методы для утверждения либеральных ценностей, для стимулирования демократии. Хотя, конечно, российская история дает нам в основном примеры другого, антилиберального авторитаризма. Между этими двумя вариантами возможны различные промежуточные ситуации, комбинации либерализма и антилиберализма, авторитаризма и антиавторитаризма (соборности). Поиск реальной меры сочетания в этих комбинациях создает различные возможности для разрешения этнических конфликтов. (Впрочем, справедлива и обратная зависимость, т. е. судьба страны может оказаться производной от ее способности разрешать конфликты, в том числе и этнические.)

Формирование условий для снижения вероятности вспышки этнических конфликтов требует сдвигов в массовом сознании, прежде всего отказа от элементов манихейства. Архаичные представления этносов друг о друге исходят из того, что чужой этнос — воплощение зла, разрушительной опасности. Поэтому предполагаемый или реальный враждебный акт одного этноса против другого содержит возможность цепной реакции, смертельной опасности эскалации насилия¹⁶. Ожидание от другого этноса враждебных действий как его естественной функции несет в себе нравственную санкцию на собственное насилие над ним. Такая убежденность стимулирует формирование слоя особых профессиональных борцов со злом, которым все равно, где убивать — в Приднестровье, в Сербии или в Москве. Формируется особый культ насильственной борьбы.

Он усиливается атмосферой безнаказанности, массовой иллюзией правомерности во имя «совести», «правды», «справедливости» и чего угодно переносить пламя «священных» убийств из Сумгаита в Прибалтику, в любую точку Земли. Насилие, начатое в одном месте, например борьба в Москве с «лицами кавказской национальности», которые, как полагают некоторые манихеи, являются воплощением зла, может дать ростки в других регионах, где объектом насилия станут иные этнические группы, которые будут там рассматриваться как носители зла. Между всеми крайними борцами за этнические ценности существует внутренняя солидарность в постоянном воспроизводстве насилия как языка, которым этнос должен якобы разговаривать с современным миром.

Борьба с межэтническими конфликтами не может отделяться от постоянного теоретического и одновременно практического поиска меры преодоления различий полюсов оппозиции «моноэтническая государственность—гражданское общество и правовое государство». От того, как будет решена эта задача в России, в значительной мере зависят судьба народов, геополитическая ситуация на территории, существенно превышающей пространство бывшего СССР.

¹⁶ См. «Анализ и прогноз межнациональных конфликтов в России и СНГ». М., 1994.